

9(c); 338

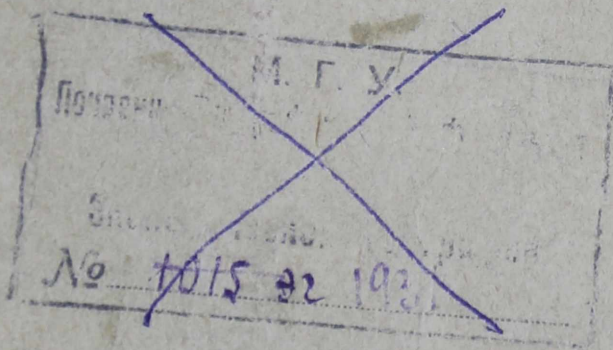
T-81

15-2
М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

РУССКАЯ ФАБРИКА

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РУССКОЙ ФАБРИКИ В XIX ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

8 УМО В. 3600000 З. 2895—87 Ш

12 АПР 2005

~~0997~~
28309

K

9(с):338
Т-81

М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

W. leaf.

63.3(2)/5-2

781

РУССКАЯ ФАБРИКА

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ТОМ I

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РУССКОЙ ФАБРИКИ В XIX ВЕКЕ

ПЕРЕПЕЧАТАНО С ТРЕТЬЕГО ИЗДАНИЯ,
ВЫШЕДШЕГО ПРИ ЖИЗНИ АВТОРА

68

Записки географического факультета

№ 28309

М. Г. У.
Почвенно-Географический Факультет
КАБИНЕТ
экономической географии
№ 401537 1981

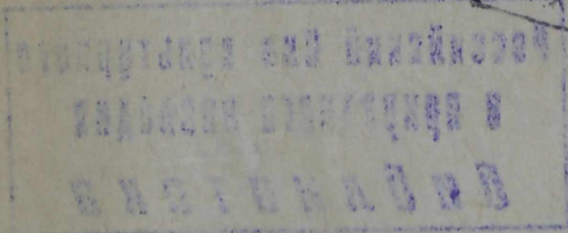
Российский Институт культуры
и природного наследия
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

1 9 2 6

Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий“,
Пушкинская ул., дом № 40,
в колич. 8.000 экзempl.
Укрглавлит № 17016.
Заказ № 1230.

e. 2133

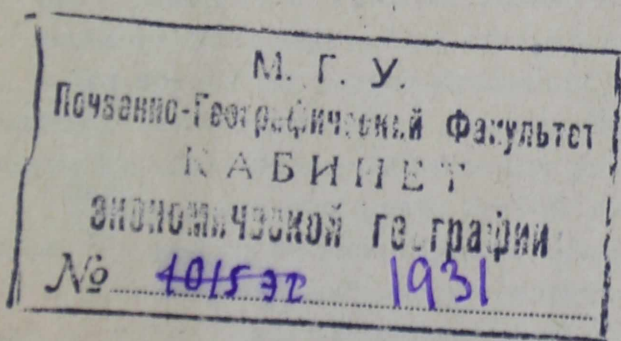
1933

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Со времени выхода второго издания „Русской Фабрики“ прошло почти семь лет; многое за это время изменилось — изменились в некоторых существенных пунктах и взгляды автора. Тем не менее, те выводы, к которым я прихожу в этой книге относительно характера и общего значения нашего промышленного развития, я считаю правильными и теперь; думаю, что последующие факты вполне подтвердили мои выводы. Только в некоторых деталях я сделал бы теперь значительные изменения, если бы писал эту книгу вновь. Однако, я предпочел не делать этих изменений и ограничиться лишь небольшими поправками в немногих местах книги, — поправками редакционного характера, — чтобы не нарушать цельности первоначального текста книги. Кроме того, я выкинул некоторые полемические характеристики, которых не могу более поддерживать. Но все эти поправки в общей сложности составляют менее одной страницы. Таким образом, перед читателем текст второго издания „Русской Фабрики“ — исторический очерк развития нашей фабричной промышленности, доведенной до конца XIX века.

Село Позники
20 августа 1907 г.

Автор.

APR 19 1931

RECEIVED
1931

RECEIVED
1931

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Читатель не найдет в этой книге истории различных отраслей нашей фабрично-заводской промышленности — их возникновения, постепенного роста, изменения техники в производстве и пр. Я не только не гнался за фактической полнотой такого рода, но и вообще не хотел писать фактической истории. О многих фактах, приводимых в каждой книге, так или иначе касающихся нашей промышленности, я совсем не упоминаю; напротив, на других фактах, редко или совсем не приводимых в подобных книгах, я останавливаюсь иногда очень подробно.

Моя задача заключалась в достаточно отчетливом, но без излишних деталей, изображении постепенного изменения внутреннего строя русской фабрики под влиянием изменения общественно-экономической среды. Мне хотелось показать, каким образом первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почве экономических условий петровской России, превратилась в течение XVIII в. в дворянскую фабрику, основанную на принудительном труде; как эта последняя постепенно отмирала в николаевскую эпоху и замещалась новейшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей из кустарной избы; как изменялся в различные эпохи состав фабрикантского класса и слагался класс фабричных рабочих. Я старался обрисовать взаимные отношения крупной и мелкой промышленности в крепостной России, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и в наше время — время господства машины. Признавая, что „не сознание людей определяет их общественное бытие, а это последнее определяет формы их сознания“, я рассматривал фабричное законодательство и господствующие в обществе взгляды и воззрения на вопросы фабричного строя, как выражение данного соотношения общественных сил. Касаясь законодательной деятельности государства, я поставил себе задачей не столько критику тех или иных мероприятий с точки зрения их целесообразности, сколько выяснение действительных причин, вызвавших их к жизни. Вообще эта книга преследует лишь чисто научную цель — объяснения реально существующих фактов.

Такова была моя цель; другой вопрос, насколько она была достигнута. Оговорюсь, во избежание недоразумений, что настоящая книга отнюдь не претендует на изображение развития всей нашей крупной промышленности в ее целом; горнозаводской промышленности я совсем почти не касался; история горных заводов так отлична во многих отношениях от истории фабрики (укажу хотя бы на отсутствие серьезной конкуренции кустарной промышленности с горными заводами), что я считал возможным совсем обойти этот вопрос в предлагаемой вниманию читателя книге.

Далее, я ограничил свое исследование собственно Россией и, как общее правило, совсем не затрагивал истории польской промышленности. По очень многим вопросам мне пришлось еще более сузить область исследования; так как моя цель заключалась в выяснении типических черт развития русской фабрики, то я считал себя вправе ограничиться изучением этого развития в центральном промышленном районе России тем более, что такое ограничение нередко требовалось и свойством материала, которым я располагал.

Наконец, я должен обратить внимание читателя на то, что выпускаемая книга — только первый том задуманного мною труда. В этом первом томе я хочу обрисовать в общих чертах историю русской фабрики. Современное состояние фабрики и фабричного рабочего, географическое размещение нашей фабричной промышленности, условия конкуренции фабрики с кустарем (значение связи кустаря с землей), продолжительность работы в разных отраслях труда, работа женщин и детей, экономическое положение современного фабричного рабочего и многое другое, — все это должно войти во второй том. Там же я предполагаю теоретически разобрать вопрос о значении фабрики в строе русской жизни вообще и подробно остановиться на вопросе о „судьбах нашего капитализма“. Первый том имеет своим предметом лишь историю, правда, доводимую до самого новейшего времени.

17 марта 1898 г.

С.-Петербург.

ВВЕДЕНИЕ
ФАБРИКА В XVIII ВЕКЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Фабрика в XVIII веке.

Важность торгового капитала в экономическом и общественном строе Московской Руси. — Торговый капитализм и петровские фабрики. — Фабриканты из купеческого класса. — Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра. — Невозможность капиталистической фабрики в петровскую эпоху. — Трудность доставать рабочие руки. — Закрепощение фабричного рабочего. — Последствия этого. — Сокращение привилегий фабрикантов по мере роста дворянского влияния. — Лишение фабрикантов права покупки крестьян к фабрикам. — Изменение сословного состава фабрикантского класса. — Противоположность интересов дворянства и купечества в екатерининской комиссии. — Враждебное отношение к купцам-фабрикантам дворянства и среднего купечества. — Домогательства купечества. — Отношение к фабрикантам правительства. — Усиление враждебного фабрикантам течения при Екатерине. — Защита дворянством свободы крестьянских промыслов. — Быстрый рост фабричной и кустарной промышленности во второй половине XVIII века. — Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарем в это время.

Один тонкий наблюдатель русской жизни конца XVIII и начала XIX века следующим образом определил коренную особенность русского промышленного строя той эпохи и его основное отличие от западноевропейского: „Небрежность, с которой работают (русские) ремесленники, — говорит он, — отчасти зависит от крайне странного устройства, не наблюдающегося, быть может, в таком же роде, ни в какой другой стране. Русские ремесленники, за исключением больших городов, ничего не принимают на заказ, но все изготовляют для продажи: башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другие предметы одеяния, шубы, постели, одеяла, столы, стулья, — короче, всевозможные предметы. Все эти вещи ремесленники поставляют за определенную плату купцам, которые их и продают в своих магазинах. Внутри России очень редко можно что-нибудь сделать на заказ; в случае какой-нибудь надобности, нужно идти в лавки или магазины, помещающиеся, обыкновенно, в одном месте. Но зато в этих лавках можно купить все, что угодно; и к тому же — на треть дешевле, чем у ремесленников, берущих работу на заказ“¹⁾.

Шторх был, в свое время, лучшим знатоком экономической жизни России и не менее знаком с хозяйственным строем Западной Европы. Поэтому его наблюдение весьма характерно. Очевидно, в организации русского мелкого производства была особенность, не встречавшаяся на Западе и потому бросавшаяся в глаза западно-европейцу. Этой особенностью являлась выдающаяся роль в нашем мелком производстве

¹⁾ Heinrich Storch. — „Historisch-Statistische Gemälde des Russischen Reichs“. — 1799, III, 178 — 179.

Г. В. В. и Николай —он являются типичными представителями того направления в нашей литературе, которое отрицает какие бы то ни было положительные стороны в развитии на русской почве капиталистического хозяйства. В этом заключается сходство г. В. В. и —она. Но по своим положительным идеалам, г. В. В. и г. —он существенно различаются друг от друга. А именно: г. —он, вместе с Михайловским, Русановым и др., выражал собой демократически-протестующее течение русской общественной мысли, лишенное какой бы то ни было резкой классовой окраски, а вместе с тем, и реальной связи с какими-либо практическими экономическими задачами.

Направление это отражало идеалы и настроения нашей так называемой интеллигенции, своеобразной общественной группы, созданной русскими условиями, не примыкающей прочным образом ни к какому экономическому классу и потому, в известной мере свободной от классовых интересов. Отцом этого направления можно считать Чернышевского. Общественными идеалами этого направления были наиболее прогрессивные идеалы Запада. И если представители этого направления являлись у нас нередко идеализаторами русских хозяйственных особенностей, то это объяснялось отнюдь не приверженностью наших идеалистов к этим особенностям и не национальными предрассудками. Нет, идеализация общины, артели и непримиримая вражда к капитализму явились у этого направления следствием незрелости наших экономических отношений, позволившей искренно верить, что община и артель могут непосредственно превратиться в „высшую форму“ хозяйства.

В новейшее время самым блестящим выразителем этого идеалистического и утопического течения можно считать Михайловского. Не будучи экономистом и, вообще не обладая охотою и привычкою к строгому научному мышлению, Михайловский доходит, как мы видели, до крайних пределов утопизма; ему ничего не стоит одним махом порешить вопрос о капитализме, не только в русской, но и западно-европейской жизни. Но уж одна решительность его приговоров наводит на мысль, что ни о какой классовой подкладке идеалов Михайловского и говорить нечего. Если Михайловский предпочитает крестьянина-собственника пролетарию, фабричному рабочему, то это отнюдь не потому, чтобы душе Михайловского интересы крестьянина были почему-либо ближе, чем интересы рабочего. Михайловский одинаково мало знает как тех, так и других. Предпочтение же его крестьянину объясняется моментами совсем иного рода, а именно: Михайловский полагает, — быть может и ошибочно, — что его собственный общественный идеал может быть лучше осуществлен крестьянином, чем рабочим. И если бы Михайловский убедился, что для осуществления этого идеала фабричный рабочий является более подходящим общественным элементом, он, без сомнения, не затруднился бы перенести свои симпатии этому последнему.

Что касается г. —она, то он, подобно Михайловскому, прежде всего, утопист. Все построение его знаменитых „Очерков“ свидетельствует об этом утопизме. Он приводит несколько ряды цифр для доказательства

своего тезиса, что „капиталистическое течение пересиливает“ в России. И вдруг, в результате статистического анализа, долженствующего доказать рост нашего капитализма, получается призыв к „русскому обществу“ создать „крупное, обобществленное, обмирщенное производство“. Откуда возьмутся в русском обществе силы для этого создания? Почему русское общество пожелает приняться за это создание? Какими средствами последнее может быть осуществлено? В какой мере проект создания „обмирщенного“ производства согласуется с политическими, правовыми, культурными и иными условиями русской жизни? Всем этим г. — он не интересуется.

Но, будучи чистым утопистом по своим практическим пожеланиям, г. — он нередко совершенно трезво смотрит на действительность. Он не отрицает роста нашего капитализма, упадка промыслов и крестьянского хозяйства вообще. Оптимизмом по отношению к действительности г. — он всего менее грешен. Он даже грешит обратным: он слишком ортодоксально-марксистски изображает борьбу крупного и мелкого производства, преувеличивает во многих отношениях влияние капитализма на разные стороны нашей хозяйственной жизни.

Совсем иное течение нашей общественной мысли представляет г. В. В. Идеалы г. В. В. отнюдь не отличаются таким широким полетом, как идеалы г. — она или Михайловского. Мы видели, что в предисловии к „Судьбам капитализма“ г. В. В. самым решительным образом отказывается от всяких несбыточных мечтаний. В „Очерках теоретической экономии“ г. В. В., не обинуясь, называет „практические заключения“ г. — она „утопией“¹⁾. Стремление г. — она подорвать веру в политику „малых дел“ — в частности в поднятие крестьянского хозяйства путем кредита (по мнению г. — она, кредит способствует только развитию кулаков, „но никак не может служить производителю, будь этот производитель единичным лицом или общиной“. К крестьянскому банку г. — он относится совершенно отрицательно) встречает энергичную отповедь г. В. В. Для этого последнего „малые дела“ — излюбленная стихия. Идеалы его очень узки и близки к действительности. Известно, что г. В. В. присваивает себе и своему направлению название „народнического“ (от которого отрекся г. Михайловский). Уже этим названием г. В. В. желает подчеркнуть, что по своим положениям и идеалам он близок к „народу“, — иначе говоря, к крестьянству, которое олицетворяет народ в глазах г. В. В. И действительно, нельзя не признать, что практическая политика народников направления г. В. В. является попыткой создать общественную программу на базе практических реальных нужд крестьянского хозяйства. Практическое значение этой программы отчасти подрывается ходом экономического развития России, уменьшающим жизнеспособность хозяйства среднего крестьянина. Крестьянский банк, кустарные банки, ссудо-сберегательные товарищества, артели, земские склады и музеи, земские агрономы и пр. и пр. разнообразные меры помощи крестьянину, выдвигаемые народниками,

¹⁾ „Очерки теоретической экономии“. 1895, стр. 219.

конечно, имеют известное значение. Отрицать это можно только с узко доктринерской точки зрения. Но не нужно также и преувеличивать важность этих мер, играющих, во всяком случае, второстепенную роль в ряду факторов, определяющих экономическое положение того общественного элемента, для которого меры эти предназначены — среднего крестьянства.

Во всяком случае, по своим ближайшим целям направление, представляемое г. В. В., оказывается, по видимому, весьма жизненным. А так как среднее крестьянство, идеологическим выразителем интересов которого является наше народничество, составляет большинство русского населения, то, казалось бы, народничество должно было бы быть самым влиятельным направлением русской жизни. Однако, этого, несомненно, нет. Напротив, народничество быстро утрачивает у нас кредит и почти лишилось уже всякого влияния среди нашей интеллигенции. В то время, как утопическое направление Михайловского и г. — она обнаруживает большую живучесть и продолжает господствовать над умами значительной части нашей интеллигенции, г. В. В. стоит теперь совершенно одиноко. В чем же причина этого странного неуспеха направления, выступающего под флагом ближайших экономических нужд большей части русского населения?

Причина эта, по моему мнению, заключается в том, что общий строй русской жизни не благоприятствует успеху слишком трезвенных, реалистических программ. Если бы народники имели возможность обратиться со своей проповедью „малых дел“ непосредственно к крестьянству, то я не сомневаюсь, что проповедь эта была бы услышана. Но в том-то и дело, что, по нашим условиям, г. В. В. приходится обращаться с этой проповедью не к крестьянству, а к интеллигенции, которая ничего общего с крестьянством не имеет. Трезвенность г. В. В. отталкивает интеллигента тем более, что если по своим практическим задачам народничество весьма реалистично, то по своему пониманию процесса хозяйственного развития России оно весьма утопично.

Если г. — он является утопистом в области хозяйственной политики, то г. В. В. — не меньший утопист в области теории хозяйственного процесса. Г. В. В. не видит вполне очевидного факта огромных успехов капиталистического хозяйства России и склонен начисто отрицать их, обладая совершенно непоколебимым оптимизмом. Эта непоколебимая вера в силу „малых мер“ и закрывание глаз перед событиями и процессами огромной важности не мешало бы успеху г. В. В. перед крестьянской аудиторией, которая ради хотя бы и незначительной пользы малых мер простила бы г. В. В. огромные промахи его теории. Но для интеллигенции общая несостоятельность теоретической конструкции г. В. В. в связи с его политическим оппортунизмом выступает на первый план и заслоняет реалистические элементы его экономической политики.

Г.г. В. В. и Николай — он могут считаться таким образом выразителями двух различных общественных направлений нашей жизни, общим для которых является отрицательное отношение к капитализму, а различием — оппортунизм одного направления и радикальный утопизм

другого. Оба эти направления имеют резко выраженный демократический характер и этим отличаются от других направлений нашей жизни, к рассмотрению которых мы переходим.

Буржуазно-либеральное направление никогда не играло у нас большой роли, что и понятно, ибо наша буржуазия не имела основания быть либеральной по той простой причине, что и при господстве казенщины ей жилось отлично. Органом этого направления может считаться, в известной мере, „Вестник Европы“. Говорю „в известной мере“, потому что направление этого журнала столь же мало обладает резкой классовой окраской, как и направление Михайловского и его единомышленников. „Вестник Европы“ гораздо более либерален, чем буржуазен. Он отражает собой не интересы какого-либо определенного экономического класса, а взгляды и общественные идеалы культурной и либерально настроенной части наших имущих классов вообще. Буржуазность же „Вестника Европы“ сказывается лишь в том, что он вообще стоит на стороне господствующего экономического порядка и лишен принципиальной враждебности капитализму. „Вестник Европы“ всегда давал энергичный отпор посягательствам фабрикантов на карманы потребителей, боролся с протекционизмом, отстаивал фабричное законодательство. Экономическая программа „Вестника Европы“ тем отличается от программы народников, что с точки зрения „Вестника Европы“ и крупное капиталистическое, и мелкое ремесленное, кустарное или крестьянское производства одинаково имеют право на существование и развитие. Между тем как г. г. В. В. и — он заявляют себя „истинными“ марксистами, „Вестник Европы“, в лице своего главного экономиста г. Слонимского, вел и ведет принципиальную борьбу с Марксом и марксизмом. Это различие весьма характерно. Г. Слонимский совершенно чужд отрицательного отношения к современному экономическому строю в его основаниях. Его идеал — западно-европейский буржуазный строй, а средством осуществления этого строя в России является реформа нашего законодательства в либеральном духе. Отстаивая фритредерство в области международной экономической политики, „Вестник Европы“ выступает энергичным защитником фабричного законодательства и борется с законодательными и иными мероприятиями, направленными к удовлетворению классовых интересов крупных фабрикантов. По своей экономической программе „Вестник Европы“ занимает середину между направлением так называемых катедер-социалистов, господствующим в Германии, и чистыми фритредерами, имеющими теперь какое-либо значение на континенте только во Франции. Главнейшей же задачей нашего времени „Вестник Европы“ признает для России не экономические, а политические реформы — в этом резко расходится с народничеством.

Что касается чисто классового течения, враждебного протекционизму и фабрике, то оно могло исходить только от аграрного класса. И действительно, в среде нашего землевладельческого класса не прекращалась оппозиция не только протекционизму, но и всему новейшему направлению нашей торгово-промышленной и финансовой политики.

Достаточно напомнить о том упорном сопротивлении денежной реформе, имевшей целью ускорить капиталистическое развитие России, которое пришлось преодолеть нашему министерству финансов. Ярким образчиком этой чисто аграрной оппозиции росту промышленного капитализма является, напр., известное ходатайство Императорского Вольно-Экономического Общества по поводу пересмотра таможенного тарифа в 1890 г. Это ходатайство дышит духом фритредерских журналов начала века. Приведу для образчика некоторые выдержки из этого любопытного документа.

„С политической точки зрения не расчет насаждать капиталистические и демократизирующие производства, в ущерб искони народным консервативным, как не расчет располагать массы негодных к исполнению воинской повинности безземельных и бездомных людей, которым терять нечего и которые давно не пользуются у нас доброю славою. Уже в 1812 г., по свидетельству очевидцев, простолюдины Московской губернии считались самыми развратными в России людьми. Достаточно и в наше время просмотреть списки бессрочно отпущенных и запасных нижних чинов, чтобы подметить весьма характерный факт: в ту пору, как тамбовские земледельцы возвращаются с военной службы большей частью унтер-офицерами, ефрейторами, фельдфебелями и вахмистрами, московские фабричные чуть не поголовно оказываются в разряде штрафованных. Общеизвестны притом и факты разрушения семейных начал в фабричном нашем населении, и факт непомерного пьянства в его среде... В начале семидесятых годов было дознано, что когда железные дороги упразднили гужевой промысел, то коломенские и серпуховские извозчики в большинстве ушли на фабрики, распились, обеднели, тогда как тульские, орловские и курские купили на вырученные за лошадей деньги землю и всецело отдались сельскому хозяйству... Тарифы с бессрочно-высокими ставками равносильны систематическому разорению потребительских масс, при котором самый рост народного богатства становится физической невозможностью“. Эти и другие подобные соображения названного удивительного „хозяйства“, не делающего во всяком случае чести Вольно-Экономическому Обществу, приводят Общество к заключению, что „не только не усматривается повод к дальнейшему повышению таможенных пошлин, но наступила пора принять почин и в таможенном разоружении“¹⁾.

Само собою разумеется, что подобного рода „хозяйства“ не получили удовлетворения. Тариф 1891 г. был торжеством протекционистов. За протекционистов была вся консервативно-националистическая печать, с „Московскими Ведомостями“ во главе. Однако, хотя влияние классовых интересов фабрикантов на направление нашей торгово-промышленной политики не подлежит спору, было бы большой ошибкой считать эти классовые интересы единственной или даже главной причиной усиления протекционизма в новейшее время. Вопрос этот, по плану настоящей

¹⁾ Ходатайство Императорского Вольно-Экономического Общества об изменениях в русском таможенном тарифе. Спб. 1890 г.

работы, относится ко второму тому „Русской Фабрики“; тем не менее замечу уже и теперь, что и в новейшее время, как и при возникновении нашей фабричной промышленности при Петре I, русское правительство, поощряя рост фабричного производства, руководилось, главным образом, так наз. „государственными“ соображениями — т. е. стремлением увеличить платежные силы населения для пополнения государственного казначейства. Рост производительных сил есть единственно возможная опора политического могущества. Поэтому усиление националистического направления не может не сопровождаться в стране с юной и неокрепшей промышленностью усилением покровительства национальной промышленности. В этом росте национализма, а не в усилении влияния чисто классовых интересов фабрикантов, и следует видеть важнейшую причину того поворота нашей торгово-промышленной политики, которым были ознаменованы восьмидесятые годы.

Эти беглые замечания о роли нашей фабрики и промышленного капитализма в строе русской общественной жизни далеко не исчерпывают, разумеется, затронутых мною вопросов. Дальнейшее развитие и обосновка сказанного в этой главе отлагается мною до второго тома „Русской Фабрики“, с выходом которого я постараюсь не замедлить.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие к третьему изданию	3
Из предисловия к первому изданию	5

ВВЕДЕНИЕ.

Фабрика в XVIII веке. Важность торгового капитала в экономическом и общественном строе Московской Руси. — Торговый капитализм и петровские фабрики. — Фабриканты из купеческого класса. — Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра. — Невозможность капиталистической фабрики в петровскую эпоху. — Трудность доставать рабочие руки. — Закрепощение фабричного рабочего. — Последствия этого. — Сокращение привилегий фабрикантов по мере роста дворянского влияния. — Лишение фабрикантов права покупки крестьян к фабрикам. — Изменение сословного состава фабрикантского класса. — Противоположность интересов дворянства и купечества в екатерининской комиссии. — Враждебное отношение к купцам-фабрикантам дворянства и среднего купечества. — Домогательства купечества. — Отношение к фабрикантам правительства. — Усиление враждебного фабрикантам течения при Екатерине. — Защита дворянством свободы крестьянских промыслов. — Быстрый рост фабричной и кустарной промышленности во второй половине XVIII века. — Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарем в это время 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дореформенная фабрика.

ГЛАВА I.

Развитие промышленности в дореформенной России. Возникновение у нас хлопчатобумажного производства. — Его необыкновенно быстрый рост. — Причины этого. — Капиталистический характер нашего хлопчатобумажного производства и его связь с бумагопрядильным производством Англии. — Слабость правительственной поддержки. — Промышленный кризис конца 30-х годов. — Кризис полотноткацкого производства 30-х — 40-х годов. — Размеры этого кризиса. — Освобождение суконной промышленности от подчинения государству. — Рост числа фабричных рабочих и концентрация производства до 40-годов; изменение направления развития после этого времени. — Железодельная промышленность и ее застой. — Связь с крепостным правом 53

ГЛАВА II.

Фабрика с наемным трудом. Разрешение императором Павлом покупки к фабрикам крестьян. — Ничтожные последствия этой меры. — Значение волнонаемного труда в различных отраслях фабричного производства дореформенной России. — Преобладание свободного труда в новых фабриках и принудительного труда в старых. — Окончательное запрещение покупки к фабрикам крестьян. — Развитие новой капиталистической фабрики. — Относительное сокращение числа дворянских фабрик. — Состав фабричных рабочих. — Кабальные рабочие. — Фабричная работа питомцев воспитательного дома. — Изменение состава

фабрикантского класса. — Новый капиталист — крестьянский выходец. —
 Фабриканты и кустари. — Крепостные фабриканты. — Отношение правитель-
 ства к развитию капитализма в крестьянской среде 72

ГЛАВА III.

Ветчинная и посессионная фабрика. Вотчинная фабрика. — Уменьшение числ
 фабрик с принудительным трудом в 30-х и 40-х годах. — Рабочие из дворовых
 и крепостных крестьян. — Отношение правительства к вотчинным фабрикам. —
 Посессионная фабрика. — Элементы, из которых образовался класс посес-
 сионных фабричных рабочих. — Положение рабочих на различных посессион-
 ных фабриках. — Мероприятия правительства по отношению к посессионным
 фабрикам. — Проект министерства внутренних дел 1811 г. — „Положения“
 важнейших посессионных фабрик. — Изменение взглядов правительства на
 желательность сохранения посессионных фабрик. — Неудобства посессионного
 владения. — Упадок посессионной фабрики. — Законодательные меры. —
 Ликвидация посессионного фабричного владения. — Положение бывших
 фабричных крестьян при переходе в свободное состояние 88

ГЛАВА IV.

Волнения посессионных фабричных рабочих. Волнения рабочих на разных фа-
 бриках. — Большая Ярославская мануфактура. — Частичные успехи рабочих. —
 Фабрика Осокина. — Упорство рабочих. — Жестокие наказания рабочих. —
 Волнения на Фряновской и Купавинской фабриках. — Красносельская фа-
 брика. — Попытка устройства производительной ассоциации. — Другие примеры
 волнений. — Отношение к ним центральных и местных властей 110

ГЛАВА V.

Дореформенное фабричное законодательство. Проект 1811 г. учреждения особого
 сословия фабричных мастеровых. — Жалобы фабрикантов на оставление кре-
 постными работ. — Проект 1832 г. кн. Голицына. — Сочувственное отноше-
 ние Голицына к рабочим. — Оппозиция проекту московских и петербургских
 фабрикантов. — Закон 1835 г. — Меры министерства финансов к улучшению
 положения фабричных рабочих. — Оппозиция фабрикантов. — Полный неуспех
 этих мер. — Первый закон, сграничивавший работу малолетних, 1845 г. — Его
 странная судьба. Проект кн. Щербатова. — Проект гр. Закревского. — Пра-
 вила Закревского для фабричной работы в Москве. — Отношения к этим
 правилам мануфактурного совета и министерства финансов. — Дальнейшая
 судьба этих правил 136

ГЛАВА VI.

Заработная плата. Заработная плата на посессионных текстильных фабриках
 в Московской, Ярославской и Владимирской губерниях в 1803 г. — Фрянов-
 ская фабрика. — Купавинская фабрика. — Большая Ярославская мануфа-
 ктура. — Плата рабочим на владимирских хлопчатобумажных фабриках в 50-х
 годах. — Повышение заработной платы во всех отраслях труда, кроме хлоп-
 чатобумажного производства. — Мнение Гакстгаузена о заработной плате
 в России. — Причины высокого уровня платы фабричных рабочих в нико-
 лаевской России 150

ГЛАВА VII.

Фабрика и кустарная изба. Связь между фабричной и кустарной промышлен-
 ностью. — Возникновение кустарной промышленности под влиянием фабрики. —
 Кустарная набойка и ткачество в селе Иванове. — Превращение фабрики

в фабричную контору. — Рост „самостоятельного“ кустарного производства. — Значение в этом отношении фабрики. — „Самостоятельные“ ткачи-кустари в Иванове. — Базарная торговля миткалем. — Жалобы фабрикантов на „недобросовестность“ домашних ткачей. — Попытки фабрикантов задержать развитие домашнего ткачества. — Отношение министерства финансов к кустарной промышленности. — Закон 1846 года относительно раздачи работы на-дом. — Развитие кустарного ткачества в николаевскую эпоху. — Распадение полотняных фабрик. — Жалобы полотняных фабрикантов на конкуренцию кустарей. — Распадение суконных и шелковых фабрик. — Кустарная обработка пеньки. — Роль фабрики в развитии кустарных промыслов по обработке металлов. — Наблюдаемое во многих промыслах раздробление производства. — Развитие кустарных промыслов Московской губернии. — Роль крепостного права в развитии кустарных промыслов. — Эволюция отдельных отраслей промышленности — бумаготкацкой и ситцепечатной. — Общая характеристика состояния кустарного производства и его внутреннего строя в николаевскую эпоху 170

ГЛАВА VIII.

Отношение общества и литературы к фабрике. Протекционисты и фритредеры александровской эпохи. — Книга Мордвинова „Дух Журналов“. — Восхваление преимуществ земледелия перед фабричной промышленностью. — Распространение фритредерских взглядов в обществе. — Отношение к фабрике славянофилов. — Их симпатии к кустарному производству. — Книга Гакстагаузена. — Идеализация русского промышленного строя. — Неверное представление о строе кустарных промыслов. — Сочувствие крепостному праву и сессионной фабрике. — Своеобразный сен-симонизм. — Взгляды на фабрику западников. — Отношение к фабрике гр. Канкрин и вообще николаевской бюрократии. — Фабричная идиллия 40-х годов. — Различие между теоретическими взглядами и практическим отношением власти к фабрикантам в николаевскую эпоху 211

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пореформенная фабрика.

ГЛАВА I.

Развитие фабричной промышленности в новейшее время. Влияние реформы 19 февраля на различные отрасли фабричной промышленности. — Вызванный этой реформой рабочий кризис. — Периодические колебания нашей промышленности. — Упадок ярмарочной торговли. — Промышленные кризисы. — Мнение Н. — она о связи кризисов с неурожаями. — Рост чугуноплавильного производства. — Отчего зависит промышленный подъем новейшего времени. — Современный промышленный кризис. — Его причины. — Движение курсов биржевых бумаг. — Дисконтный процент. — Откуда явилась нужда в деньгах. — Застой в разных отраслях промышленности зимой 1899 — 1900 года. — Состояние железодельной промышленности. — Вопрос о рынке для русской промышленности. — Рынок в стране с развивающимся денежным хозяйством. — Рост числа фабричных рабочих в России. — Концентрация производства. — Что тормозит в России успехи капиталистического производства . . . 245

ГЛАВА II.

Новейшее фабричное законодательство. Проекты комиссий при с.-петербургском генерал-губернаторе и при министерстве финансов под председательством Штакельберга. — Отношение фабрикантов петербургских и центрального района к законодательной охране малолетних рабочих. — Отзывы разных лиц:

Хлудовых, графа Баранова и других. — Проекты 70-х годов. — Постановление съезда машиностроителей 1875 года. — Закон 1882 года. — Последующие законы. — Связь их с промышленным кризисом 80-х годов. — Почему московские фабриканты противятся законодательному ограничению времени работы, а петербургские настаивают на таковом. — Ходатайство лодзинских фабрикантов 1894 года. — Отношение московского общества содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности к нормировке рабочего дня. — Закон 2 июня 1897 года 305

ГЛАВА III.

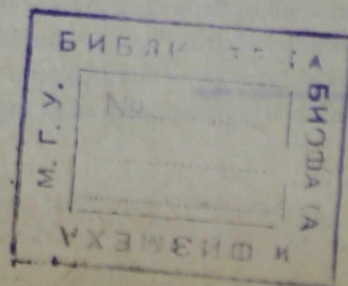
Заработная плата. Влияние реформы 19 февраля на заработную плату. — Повышение платы и последующее падение ее. — Рабочие на ивановских фабриках по отзыву Я. Гарелина. — Сравнение заработной платы в Шуйском уезде в 50-х и 80-х годах. — Падение реальной заработной платы. — Заработная плата на московских фабриках. — Изменение заработной платы в новейшее время. — Современный фабричный рабочий по исследованиям г. Дементьева и других московских земских статистиков. — Обособление фабричных рабочих в особый общественный класс. — Обследование г. Шестаковым рабочих на фабрике Цинделя. — Связь с землей. — В чем эта связь заключается у различных групп рабочих. — Значение этой связи с землей 340

ГЛАВА IV.

Борьба фабрики с кустарем. Изменение условий конкуренции фабричной и домашней промышленности в новейшее время. — Сокращение числа домашних рабочих в хлопчатобумажном производстве. — Падение ручного ткачества в разных отраслях труда. — Раздробление производства — чем оно вызывается. — Металлические кустарные промыслы. — Гвоздарный промысел. — Павловские замочки. — Почему в Павлове кустарная мастерская становится мельче, а в Загарье крупнее. — Упадок лесных промыслов. — Значение вздорожания сырья. — Гончарничество. — Щеточный промысел Московской губ. — Развитие новых промыслов под влиянием фабрики. — Экскурсия в область английских экономических отношений. — Английские кустарные промыслы. — Сходство положения английского и русского кустаря. — Взгляды англичан на способы борьбы со злом домашней системы. — Бегство мужика из деревни в город. — Чем оно вызывается, по отзывам местных наблюдателей. — Влияние отхода на экономическое положение населения в Костромской губ. — Отход и грамотность в Костромской и Ярославской губерниях 360

ГЛАВА V.

Отношение общества и литературы к фабрике в новейшее время. Фритредеры 60-х годов. — Отличие их от фритредеров крепостной эпохи. — Отношение к фабрике — Симпатии к капитализму. — Взгляды „Современника“ на фабрику и кустарное производство. — Книги Корсака и Флеровского. — Артельные увлечения. — Обсуждение фабричных вопросов на первом Всероссийском торгово-промышленном съезде. — Взгляды „Отечественных Записок“ 70-х годов. — Отношение к фабрике г. Михайловского. — Книга г. В. В. „Судьбы капитализма в России“. — Народничество. — Г. Николай — он и г. В. В. — Почему народничество не имеет у нас успеха. — Отношение к капитализму различных направлений русской жизни. — Классовое представительство аграрных интересов. — На чем основывается промышленная политика новейшего времени. 409

Цена ~~2 р. 75 к.~~

68 коп

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Харьков, ул. Свободной Академии 5. Телефон 10—07.
Москва, Кузнецкий мост, д. 5/15, пом. 15, подъезд 6. Тел. 3-01-99 и 3-17-55.